

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Составители ЕЛЕНА ШУБИНА, АЛЛА ШЛЫКОВА

Автор идеи ЮРИЙ РОСТ

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении переплета использована картина Ю.П.ЩУКИНА “Аттракцион”

Книга иллюстрирована графикой Арины Обух и фотографией Юрия Роста

П19 Птичий рынок : [рассказы] / Сост. Е.ШУБИНА, А.ШЛЫКОВА. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 445, [3] с.: ил. — (Москва: место встречи).

ISBN 978-5-17-116179-8

“Птичий рынок” — новый сборник рассказов известных писателей, продолжающий традиции бестселлеров “Москва: место встречи” и “В Питере жить”: тридцать семь авторов под одной обложкой.

Герои книги — животные домашние: кот Евгения Водолазкина, Анны Матвеевой, Александра Тениса, такса Дмитрия Воденникова, осел в рассказе Наринэ Абгарян, плюшевый щенок у Людмилы Улицкой, козел у Романа Сенчина, муравьи Алексея Сальникова; и недомашние: лобстер Себастьян, которого Татьяна Толстая увидела в аквариуме и подружилась, медуза-крестовик, ужалившая Василия Авченко в Амурском заливе, удав Андрея Филимонова, путешествующий по канализации, и крокодил, у которого взяла интервью Ксения Букша...

Составители сборника — издатель Елена Шубина и редактор Алла Шлыкова. Издание иллюстрировано рисунками молодой петербургской художницы Арины Обух.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116179-8

- © Е.Водолазкин, Т.Толстая, Л.Улицкая и др., 2019.
- © А.Бондаренко, художественное оформление, 2019.
- © А.Обух, иллюстрации, 2019.
- © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2019.
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019.

Содержание

НАРИНЭ АБГАРЯН. Марлезон	9
ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ. Бедная моя царевна	21
ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ. Себастьян	35
АЛЕКСАНДР ГЕНИС. Путь кота	41
ЯНА ВАГНЕР. Блаженны нищие духом	53
РОМАН СЕНЧИН. А папа?	67
МАКСИМ АВЕРИН. Одинокий волк	93
ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА. Две ненастоящие болгарские сказки	99
ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО. Поцелуй медузы	125
ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН. Далеко-далеко... ..	133
ЕЛЕНА ВОЛКОВА. Сказка про Мышь	143
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ. О рыбе	159
ЕВГЕНИЙ БАБУШКИН. И нарёк человек имена всем скотам	169
ГРИГОРИЙ СЛУЖИТЕЛЬ. Чайка	177
МАРИЯ МОКЕЕВА. Красные паломники	185
АННА МАТВЕЕВА. Четвертый кот	191
КСЕНИЯ БУКША. Крокодил. Три интервью в один день	211
ОЛЕГ ЗОБЕРН. Лев	231
НАТАЛЬЯ РЕПИНА. Почти безголовый Ник	243

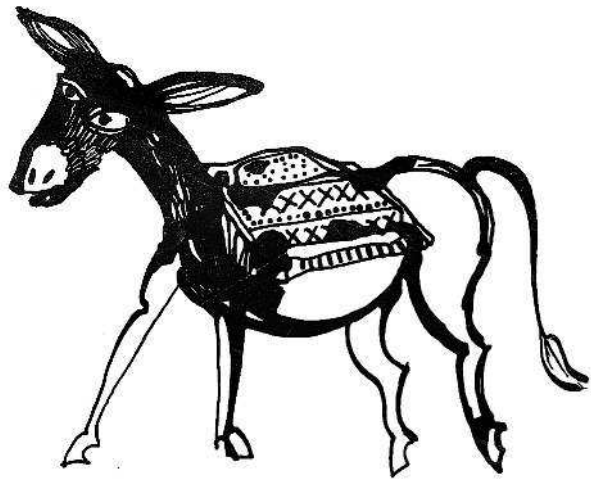
АЛЕКСАНДР КАБАКОВ. Мысль	251
ЕКАТЕРИНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. Священное животное	257
САША НИКОЛАЕНКО. Повесть про мышь и Льва Толстого	267
АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ. Дома у дороги	277
СЕРГЕЙ НОСОВ. Птицы СПб	285
МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ. Котя Мотя	299
МАРИНА ПОПОВА. Брильянтовый Педро	319
ЕЛЕНА КОЛИНА. Назову тебя Негодяем	329
СВЕТЛАНА МОСОВА. Ворона	343
ПАВЕЛ КРУСАНОВ. Третий жук	347
ЕЛЕНА ПОСВЯТОВСКАЯ. Животное мое	363
АЛЕКСАНДР СНЕГИРЕВ. Некоторые вещи надо делать самому ...	379
ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА. Дживс скоро станет мамочкой	387
ВАСИЛИЙ СНЕГОВСКИЙ. Зоо	393
ОЛЕГ ФИЛИМОНОВ. Молитвенный удав	405
БУЛАТ ХАНОВ. Гюго	417
ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ. Авва	427
ЮРИЙ РОСТ. Птичий рынок	435
<i>Об авторах</i>	441

*Живое воспитывает живых —
объясняли родители
и на Птичий рынок водили
для радости.*

Юрий Рост

НАРИНЭ АБГАРЯН

Марлезон

У Бочканц Ованеса сложились очень уважительные отношения с ослом Марлезонем и крайне неуважительные — с пчелами. Казалось бы, тоже мне беда. В конце концов, не каждому дано жить в мире и согласии со всеми божьими тварями. Но Бочканц Ованес был пасечником. Мастером своего дела. Практически лучшим. И подобный оксюморон омрачал ему жизнь.

Отношения с пчелами испортились совсем недавно, потому собирался он теперь на пасеку, как на войну. Надевал сорочку с длинным рукавом, застегивался на все пуговицы. Брюки заправлял в носки. Проверял защитную сетку на маске с той тщательностью, с какой аквалангист обследует оборудование перед погружением. Приобрел в хозяйственном длинные плотные резиновые перчатки и попросил жену тщательно приладить к ним лямки. Сатеник, памятуя о несговорчивом характере мужа, возражать не стала, только спросила, зачем ему это надо.

— Ты приладь, там видно будет! — отрезал Ованес. У него всегда портилось настроение, когда задавали несанкционированные вопросы.

— И-их, неуступчивый баран, — вздохнула Сатеник и пустила на лямки старое кухонное полотенце.

Ованес надевал перчатки загодя, на подступах к пасеке. Лямку с левой перчатки перекидывал на правое плечо, с правой — на левое. Получалась диковинная, но надежная конструкция: лямки перетягивали грудь и давили на шею, но спасали от внезапной потери перчатки.

— А вдруг она свалится, когда я в улей полезу? — объяснял Ованес Марлезону. Марлезон водил ушами и одобрительно

фыркал — в отличие от Сатеник, он понимал своего хозяина с полуслова.

Дополнительной защитой пришлось озаботиться после того, как пчела ужалила Ованеса в ухо. За сорок лет это был чуть ли не сотый случай, но в этот раз всё пошло наперекосяк — ухо моментально вспухло футбольным мячом и подзрительно запульсировало. Следом принялась раздуваться шея.

Ованес выронил крышку улья и, пренебрегая мирно пасущимся невдалеке домашним транспортом, припустил к деревне. Марлезон помчался следом, возмущенно иа-иакая. Так и добрались до поликлиники — впереди распухший до размера камазной покрывки Ованес, следом — оскорбленный до глубины своей ослиной души Марлезон.

— Наконец-то ты оправдываешь прозвище своего рода, — хохотнул дежурный врач, ставя спасительный укол.

Ованес хотел было огрызнуться, но не смог — вздувшиеся губы не шевелились. Он недовольно замычал, давая понять бесцеремонному доктору, что тот выбрал не самое подходящее время для шуток. Доктор замахал руками и примирительно улыбнулся.

Род Бочканц унаследовал прозвище от Шмавона, который был таким толстым, что все его называли бочкой. Ованес застал последние годы жизни прапрадеда, тот целыми днями лежал на тахте — большой, неповоротливый — и одышливо матерился в потолок.

Впервые услышав его сквернословие, Ованес ужасно заволновался — над потолком как раз находилась спальня его родителей.

— Апи*, это ты на маму с папой ругаешься?

Прапрадед чуть не поперхнулся.

— Собакин щенок, при чем здесь твои мама с папой? Я Создателя ругаю. Почему он меня таким толстым сотворил? А в придачу еще и коротышкой! Совесть у него есть?

* Сокращение от *апупан* — прапрадед (*арм.*).

Прапрадед к концу жизни оглох, но силу голоса не растерял. Потому высказывал свои претензии небесной канцелярии до того громогласно, что куры на том конце деревни от испуга по несколько раз на дню неслись. Контуженная его сквернословием небесная канцелярия, по-видимому, сделала правильные выводы. И все потомки прапрадеда получались худощавыми и высоченными. Но прозвище всё равно носили Бочканц — из рода Шмавона-Бочки.

Отек спал только к вечеру. Ованес вернулся домой и огорошил жену новостью, что у него обнаружилась непереносимость пчелиного яда.

— Но ведь раньше ничего такого у тебя не было! — удивилась она.

— Раньше не было, а теперь есть.

— Говорили же, что пчелиный укус не ядовитый! — не унималась Сатеник.

— Раз не ядовитый, иди опрокинь на себя улей! А мне одного раза хватило, — рассердился Ованес.

Отказываться от промысла, приносящего стабильный доход, он не собирался. Просто придумал дополнительные меры защиты — хозяйственные перчатки на лямках, плотная сорочка с длинным рукавом и заправленные в толстые носки брюки — даже в самое пекло.

Односельчане поговаривали, что в городе есть специальные магазины для пчеловодов, где можно купить костюм, в котором тебя не то что пчела не ужалит, а лев не прокусит. Но Ованес этим слухам не верил. Он вообще городским не доверял. Что они понимают в пчелах? Ровным счетом ничего. Так чего ради должны придумать годный защитный костюм? Вздор всё это! Человек, оторванный от природы, черствеет душой. Какой с него спрос? Соврет и не застесняется.

Несмотря на тщательно подбираемую амуницию, он лелеял тайную надежду, что случай с аллергией на укус пчелы не что иное, как глупое недоразумение. Исключение из правил.

Раз в год и палка стреляет. Но это же не означает, что она превращается в ружье!

Вон Марлезон. С ним ведь тоже не сразу сложились паритетные отношения. Всю душу вынул, пока человеком стал. Купил его Ованес у Назинанц Сурена за большие деньги — шестьдесят американских долларов. Сурен переезжал к сыну в Небраску, вот и распродал домашнюю живность за доллары. Ованес натянул отцовский патронташ, съездил в райцентр, напустил грозным видом страху на работника банка, чтобы тот не смел ему фальшивые деньги продавать, а далее, тщательно припрятав три двадцатидолларовые бумажки в нагрудный карман, поехал к Сурену.

Со старым хозяином осел распрощался сдержанно — только хвостом шевельнул. За Ованесом шел с достоинством, брезгливо обходя лужи. Фортель выкинул, не дойдя двадцати метров до калитки: встал как вкопанный посреди улицы — и всё. Ни туда и ни сюда. Промучившись с ним битый час, Ованес махнул рукой и ушел в дом — надумает, сам придет.

Упрямое животное простояло так три дня. Ованес всё это время наблюдал за ним с веранды. Сатеник выносила поесть и попить. Осел сено игнорировал и даже от морковки морду воротил, но воду пил. И угрюмо молчал. На третий день Ованес, проклиная всё на свете, пошел к Сурену.

— Иди заведи своего осла, обманщик! — крикнул он ему с порога.

— В смысле “обманщик”? — обиделся Сурен.

— Издеваешься, что ли?

— Вообще нет!

— Это животное третий день на дороге стоит, во двор не заходит!

— Не может такого быть!

— Сурик, хоть ты и диплом имеешь, ты всё равно говночеловек. Не мог предупредить, что осел с приветом?

— При чем здесь мой диплом? — невпопад оскорбился Сурен.

— Тьху! — сплюнул Ованес и ушел домой.

Осел стоял посреди двора, окруженный курами, и шевелил в такт их кудахтанью ушами.

— Это как понимать? — опешил Ованес.

Жена всплеснула руками:

— Ты представляешь, я просто распахнула перед ним калитку.

— И?

— И он отмер.

— Как?

— А вот так! — Она отомкнула калитку и отошла в сторону. Осел двинулся к выходу. Она калитку захлопнула. Осел остался.

— Ему нужно оставлять проход открытым, — объяснила Сатеник.

Ованес пожевал губами.

— Почему тогда Сурен не рассказал мне этого?

— А ты небось пришел к нему и вежливо спросил, да? — не удержалась от иронии она.

— Много на себя берешь, женщина, — нахмурился Ованес и погладил осла по голове, — ну что, старый трех*, дружить будем? Ты не против, если я тебя Марлезоном стану называть?

Осел глянул на него своими большими вишневыми глазами и коротко кивнул. С того дня между ними установились уважительные отношения — Ованес заблаговременно распахивал калитку и отходил в сторону, освобождая ему дорогу, а осел верой и правдой ему служил.

Памятуя об этой истории, Ованес не терял надежды, что случай с аллергией на пчелиный яд — глупое недоразумение.

“Раз с ослом договорились, то и с пчелами обойдется”, — бубнил он себе под нос, собираясь на пасеку.

* Деревенская обувь.